

Оказывается, я еврей (часть 3)*

Григорий Фрейман

Анатолий Алексеевич Карацуба

В давние времена я часто встречал Карацубу на заседаниях семинара Александра Осиповича. Студентом он специализировался по теории чисел у Коробова, потом учился у него же в аспирантуре.

Был он стройным, худым и застенчивым, ходил в белоснежной рубашечке, был со всеми очень приветлив и доброжелателен, активно занимался альпинизмом и придерживался взглядов весьма прогрессивных.

Б. в те годы тоже учился у Коробова и был с Толей весьма близко знаком. В первые два года после перехода Карацубы на работу в Стекловку их отношения оставались без изменений. Когда Б. являлся в Стекловку, Карацуба с ним тепло общался.

Когда Иван Матвеевич приблизил Карацубу, тот резко изменился, порвал со старыми университетскими друзьями, даже здороваться перестал. Виноградов и Коробов поспорили по вопросу о приоритете. Когда Николая Михайловича стали изгонять из института, то Карацуба энергично в этом помогал. Коробов до сих пор ходит по различным инстанциям, добиваясь восстановления.

Впервые Карацуба выступил на новом поприще, когда в Ленинском пединституте происходила защита докторской диссертации Файнлейба. По всеобщему мнению специалистов, это была хорошая работа, вполне отвечающая нужному уровню. Карацуба явился на защиту, устроил огульный разнос, и работе не хватило одного голоса до двух третей. Файнлейб до сих пор не доктор.

Когда диссертация Б. защищалась, я вовсе не задумывался, как она будет утверждаться, не нужны ли дополнительные отзывы и еще какая-нибудь организаторская работа. Зачем все это? Диссертация очень хорошая, а хорошая работа отклонена быть не может. Я не стал волноваться и тогда, когда узнал, что экспертом по теории чисел является Карацуба и именно ему поручено рассмотрение диссертаций по теории чисел. Что из того? Попытается он придраться, но ведь решение выносит не он один, ведь если синклит достойнейших математиков обсуждает дело по существу, то очевидно, что хорошая работа отклонена быть не может!

*Журнал «22», номер 11, с. 87–96. Окончание. Начало в номерах 9–10.

Однако рассмотрение затягивалось, мы стали беспокоиться и наводить справки. Удалось выяснить, кому работа поступила на отзыв. Координаты: Стекловка, Долбилин. Узнали, о ком речь. Долбилин, молодой парень лет двадцати пяти, недавно защитивший кандидатскую диссертацию, работает в отделе Делоне.

Тут впервые я почувствовал, что варится какая-то каша. Почему работа поступает на отзыв молодому паренюку, не специалисту?

Я позвонил Делоне. Тот ничего не знал, но обещал выяснить. Это очень настораживало: Делоне не знал, что работа у Долбилина, работника его собственного отдела, тот ничего ему не сказал, хотя работа была у него уже не менее трех месяцев.

Когда я вторично разговаривал с Делоне по телефону, тут-то до меня и донесся впервые тот явственный запах разложения, в исключительном окружении которого я и живу последнюю пару лет.

Да, Долбилин получил работу на отзыв. Только что (!) получил, потому и не успел доложить. Работа ему не нравится. Очень уж специальные вопросы рассматриваются.

Борис Николаевич, хотя и очень старается уклониться от конфликтов, но будучи вынужденным высказаться, скажет правду. Он условился о встрече на следующий четверг. Он, я и Долбилин должны были повстречаться и в ходе научной дискуссии выяснить истину.

В среду я позвонил Делоне и напомнил о предстоящей встрече.

— Коля нас опередил (!), — сказал Борис Николаевич, — сегодня он отослал работу в ВАК без отзыва.

Лишь понемногу понял я побудительные причины подобных действий. Плата Карацубе, тот кусочек мяса, который над ним на веревочке держит Иван Матвеевич, — это звание члена-корреспондента. У Долбилина в перспективе — защита докторской, а в ближней перспективе — получение квартиры. Вот он и взялся за черную работу, порученную ему Карацубой. Но втихомолку сделать ее не удалось. Долбилин увидел, что начинается скандал. (Узнал Делоне. Позвонил ему М. и просил объясниться.) Дать отрицательный отзыв — опозориться, а он не готов к этому, он еще не сжег за собой все мосты, как Карацуба. Дать положительный отзыв — лишиться работы (комментарий М.). Работа отсылается без отзыва.

— Работа слабая — вот причина, а все эти нюансы — галлюцинация, не было их! — Таков будет истошный вопль защитников «Нового союза истинно-русских людей в математике».

У меня свидетель есть. Сам Долбилин. Недавно, в разговоре в одной компании, он изложил собственную и, к чести его сказать, правдивую версию случившегося. Да, ему предназначалась роль «черного рецензента». Да, работа сильная, но неуязвимая, но вполне достойная степеня. Потому он ее отослал без отзыва. Надежды нет, работа будет отклонена, так как Виноградов и Карацуба ненавидят руководителя автора работы.

Дальнейшие следы работы затерялись. Кому передал ее Карацуба для отзыва, было неизвестно.

Я пошел к Делоне.

Борис Николаевич — старейший из советских математиков, ему восемьдесят шесть лет. Даже И. М. моложе Делоне на полтора года. Старик относится ко мне хорошо, хотя ирония и колкости в его речах постоянно присутствуют, как пряности в восточной пище. Сейчас, после смерти жены, он очень сдал, поредели седые волосы, похудело лицо, зубов осталось совсем мало, но еще недавно он был молодцом. Приятно было глядеть на его бронзовое обветренное здоровое лицо. На работу в Стекловку он приходил в тренировочном синем шерстяном костюме с белым чемпионским ободком. Некогда он был выдающимся альпинистом и спортивность сохранил до самого последнего времени. Как-то зимой он небрежно спросил меня, не боюсь ли я открытой форточки («Вы, семиты, опасаетесь прохладного воздуха»), залез на подоконник, захлопнул с шумом форточку и спрыгнул, не слез, а именно спрыгнул на пол, тяжеломерно, не очень ловко и очень был всем этим доволен.

Старику очень не хотелось вмешиваться во всю эту перепалку. Я, как обычно, просидел у него много часов, он снова пересказал мне все события своей молодости, все московские математические анекдоты. Я слышал уже, что Понтрягин написал отрицательный отзыв на очень сильную докторскую диссертацию Винберга, защищенную в МГУ. Лев Семенович Понтрягин — математик, достижения которого стали уже классическими. Станный ход мыслей, свойственный не ему одному, привел его в последние годы к убеждению, что еврейская математика — плохая математика и с ней надо бороться. Говорят, что именно по этим соображениям он настоял, чтобы набор двух томов исторического обзора «Математика в СССР за 50 лет» был рассыпан. Книга эта в свет так и не вышла.

— Винберг пришел ко мне, — рассказал Делоне, — и стал рассказывать со слезами на глазах, показывая какие-то древние бумаги, что еще дед его работал начальником канцелярии в министерстве, был в высоком чине, и потому никак евреем быть не мог, и сам он не еврей, а обрусевший швед. Я рассказал об этом при встрече Понтрягину, тот пробормотал: «Неужели» и был весьма обескуражен. Пригляделся я к Винбергу при встрече и решил, что честь принадлежности к богоизбранному народу он отклоняет совершенно напрасно.

Так мы и беседовали, пока я не потерял терпение и не поставил вопрос прямо: если Борис Николаевич считает работу слабой, пусть так и скажет, если же работа сильная, то он должен, как ее инициатор, дать объективный отзыв. Делоне еще немного подумал, взял ручку и написал положительный отзыв, который и был отправлен в ВАК.

В марте 1976 года появился отрицательный отзыв рецензента ВАКа. Ниже я подробнее проанализирую этот важный документ, пока скажу лишь, что это — насквозь лживая бумага. Все это время я не предпринимал никаких попыток обсудить проблему лично с Карацубой: то, что он целеустремленно старается организовать провал работы, вовсе не было моей гипотезой. Через общих знакомых доходили конкретные сведения, цитировались его высказывания, в яркой форме рисовавшие безнадежный исход дела.

В конце марта, в гостях у А., я получил совет все же встретиться с Карацубой: как ни ясна его позиция по косвенным данным, нужно уточнить ее в

прямом контексте. Под рукой оказался телефон жены Карацубы (живут они не совсем вместе и не совсем отдельно). Позвонили, и Карацуба неожиданно оказался на месте. Когда я представился, он был ошеломлен и не знал, что сказать.

— Я не в курсе этого дела, — сказал он наконец, — отзыв на работу ко мне еще не поступал. Когда я с ним ознакомлюсь, можно будет встретиться.

Я позвонил еще через неделю и получил такой же ответ, еще через неделю — то же. Я понял, что он ведет себя, как шкодливая мышь, которая под полом прилежно грызет, но нос на свет Божий высунуть боится. До самого заседания экспертной комиссии, куда дело поступило уже полностью им оформленное к отклонению, повидаться так и не удалось.

После того, как работа была отклонена и, по моей жалобе, снова возвращена в Экспертный совет, я позвонил ему еще раз и тут выяснилось: Карацуба «совестлив». Я был поражен той бездной неподдельного человеческого чувства, которое он на сей раз вложил в разговор.

— Анатолий Алексеевич, надо бы нам все же встретиться по поводу работы Б.

— Вы так считаете?

Я промолчал, ожидая конкретного ответа. Все его слова — доподлинные, я их записал сразу после разговора.

— Я не знаю... — здесь голос его снизился почти до шепота, заколебался в высшей нерешительности, и аккорд разрешился мучительно-неопределенным:

— Когда же это?

— Как вы назначите, — сказал я. Шепчет что-то (да, да, шепот, как будто человек про себя перебирает свои дела), потом умолкает, умолкает насовсем. Я жду. Ничего. Молчание. Я вынужден его прервать.

— Надо все же поговорить...

Он — потерянным голосом:

— Понятно.

Снова пауза. Наконец он снова обрел нормальный голос.

— Дело в том, что я уезжаю за границу, вот с этим все связано.

Договорились встретиться по его возвращении.

После этого разговора я решил ему больше не звонить.

На заседании в декабре, где ему удалось все же довести дело до конца и похоронить работу, он сидел набычившись, руки на коленях, в глаза Б. не посмотрел ни разу, даже когда задавал ему вопросы.

Мы его не любим, он тоже пришел

Отношение Виноградова и Карацубы ко мне, о котором говорил Долбилин, объясняется причинами общими. Милейшие мои встречи с Виноградовым я описал. С Карацубой я тоже никогда не конфликтовал, за одним небольшим исключением.

В 1971 году состоялась международная конференция по теории чисел в честь восьмидесятилетия И. М. Виноградова. Меня на эту конференцию не пригласили, и не потому, что я рангом не вышел, ибо ученики мои и аспиранты приглашение получили. Не пригласили Левина, Шапиро-Пятецкого, да что там говорить, даже Гельфонда. Не было Эрдеша и Турана.

Карацуба был заместителем председателя оргкомитета. Я пришел на заседание, встретил его в коридоре и недовольным голосом высказал свои претензии.

— Сейчас уже поздно что-либо предпринимать, — сказал Карацуба, — ходите на заседания, принимайте участие в работе, я скажу, чтобы вас пропустили.

— А почему, собственно, поздно? — спросил я нахально. — По-моему, ошибку эту можно было бы и исправить.

Но ответа от него я не получил.

Кстати, о теперешних математических конференциях. Принципы организации многих из них прекрасно иллюстрируют всю глубину размежевания математического общества по еврейскому вопросу.

Этой весной в Грузии состоялась конференция по дискретному программированию. Организовывал ее А. Фридман. Оказывается, происходят параллельные конференции (Яблонский) по чисто русской кибернетике, куда евреи не приглашаются. Более того, туда не приглашаются и русские, которые якшаются с евреями.

Принципы расовой чистоты строго соблюдались на конференции по теории групп (Краснодар, 1976 г., Горчаков).

Кишиневская конференция по математической логике. Уже печатались тезисы докладов, представленных на конференцию (Шайн получил письмо, в котором его торопили прислать исправления к докладу), когда неожиданно ряд приглашенных получил извещения, что в связи с большим числом заявок и малым числом мест в гостиницах их участие отменяется. Среди получивших отказы были, например, Шайн, Гриндлингер, Шнеерсон. Вскоре прояснилась и подоплека этого дела. Члены Оргкомитета Ширшов, Ершов и Адян потребовали приезда в Москву секретаря оргкомитета со списком приглашенных и стали этот список чистить.

Шайн, получив отказ, отправил в Кишинев письмо, где отмечал, что так как людей, которым отказано в участии, объединяет лишь один признак, то приходится вспомнить случай, который в 1934 году произошел с Исая Шурум, получившим извещение, в котором отклонялась его заявка на участие в конференции из-за того, что он несвоевременно заказал место в отеле.

По причине ли этого письма, по какой ли другой, все первоначальные приглашения были вскоре подтверждены.

Ершов, Ширшов и Адян в Кишинев не поехали.

Труженики экспертного Совета

31 мая 1976 года состоялось особенное, чрезвычайное заседание Экспертного совета. Как всегда, происходило оно в Стекловке, где и работает большинство членов этого Совета.

К пяти часам все вызванные явились в конференц-зал, вполголоса шумящей толпой заполнили коридоры. Собралось около ста человек. Это был большой сбор: обычно вызывалось около десятка претендентов на степень, но теперь, в связи с необходимостью завершить дела старого ВАКа и приближением поры летних отпусков, решено было провести генеральную чистку.

Национальный состав собравшихся был поразителен и сразу бросался в глаза. Это были либо евреи, либо представители восточных республик: туркмены, таджики, азербайджанцы. Внешнее впечатление вполне подтвердилось, когда секретарь стал выкликать фамилии, проверяя прибытие: Кирштейн, Мухитдинов, Вассенмахер, Ниязбеков и т. д. Русских фамилий не было ни одной. Из сотни вызванных было евреев более *половины*, человек шестьдесят. Разбили всех по секциям (явное нарушение всех инструкций, ибо каждое дело должен рассматривать Совет в полном составе, а не штамповать отклонения, сотню за вечер). В секцию алгебры, теории чисел и математической логики определили восемь человек — пять евреев, три из Средней Азии.

Работа началась в седьмом часу и продолжалась до одиннадцати, но вызвали всех к пяти и в парильню вызывали в произвольном порядке, так что нужно было все время дежурить у двери. Во всем длинном коридоре не было ни единого стула, и люди, многие из которых явились прямо с поезда, стояли часами.

В перерывах для членов Совета и комиссий в специально отведенной для этого комнате был сервирован чай с бутербродами. В коридорах по дороге к трапезной между «тружениками» Экспертного совета царил обстановка дружелюбия, почти братства, с похлопыванием по плечу, все со всеми на ты, все — тесная компания, смех, шутки, веселье.

Приступили к разбору работы Б. Вначале работали сами. Дверь была открыта, и, когда читали отзыв Делоне, в коридор выплеснуло громким хохотом.

Как кому, а мне этот хохот говорит о многом. Он означает, что бразды правления взяли в свои руки молодые, решительные, без комплексов, люди, а некогда славные имена Александрова, Маркова, Колмогорова, Делоне растворились в тумане уходящего времени, и старички, носители этих имен — просто призрачные тени, и, если они пытаются вмешаться в решение вопроса реальной жизни, над ними попросту смеются. А еще этот хохот говорил, что вопрос об отклонении работы предрешен.

Наконец пригласили Б.

— Я зашел в длинную комнату, слева у стены стоял стол, за которым сидели Андрианов и Адян, справа, напротив них, висела доска и стоял стул для меня. За отдельным столом, спиной к окну, сидел Кострикин. В комнате находилось еще три человека, но большого участия в обсуждении они не при-

нимали. Заваливали работу *Адян, Андрианов и Кострикин*.

Кострикин стал говорить о вычислительной части работы, что вычислениям верить нельзя. В воздухе повисла мрачная фраза (навязанная отзывом) :

— У вас в работе одна машинная математика.

Как бы подводя итоги, Андрианов сказал:

— Работа оформлена плохо, это ясно.

И с шумом захлопнул экземпляр диссертации, как похоронил. За дверью слышно было, как Адян сказал:

— Запишите: не представляет теоретической ценности.

Все обсуждение длилось около десяти минут.

Все рассказанное — типично и настолько поразительно, что придется повториться.

О национальности диссертантов, подцепленных на крючок Экспертным советом.

Шестого декабря 1976 года на заседание Совета были вызваны :

1. Кривошея Ефим Шломович
2. Штейнберг ...
3. Бернштейн Александр Израилевич
4. Кропш Леонид Ефимович
5. Френкин Борис Рафаилович
6. Могилевский Михаил Григорьевич.

Итого — шесть человек. Из них евреев — шесть.

На заседании, где разбирались работы Шнеппермана, Цаленко и Розенберга, было вызвано одиннадцать человек. Из них евреев — одиннадцать.

О разном

Математики, чьи докторские диссертации отклонены Экспертным советом и ВАКом: Маркус, Шайн, Шнепперман, Жмудь, Левин, Шмульян, Мильман, Норкин, Балк, Цаленко, Вигберг [Винберг?], Лехтман, Пекелис.

Список этот далеко не полон.

Докторская диссертация Рубинова рассматривается ВАКом уже в течение шести лет. Пример этот — типичный, подобные сроки стали обычными.

Докторская диссертация Лозановского несколько лет пролежала в ВАКе. Он умер. Через несколько месяцев пришло утверждение.

Экспертный совет постановил отклонить диссертацию Ройтмана по той причине, что Ученый совет КГУ провел защиту после истечения срока своих полномочий.

Очень странно, не удалось обнаружить бумагу, продлевавшую полномочия Совета, хотя многие говорили, что была такая бумага.

Очень странно, что Экспертный совет занялся административным аспектом дела, пренебрегая научным.

Очень уж странно, что после Ройтмана в том же Совете защитили диссертации еще три человека и были без задержки утверждены ВАКом.

А работу Ройтмана ВАК отклонил.

При перевыборах проф. Шилова его ругали, что у него слишком много учеников-евреев, что есть случаи отъезда. Один из выступавших сказал, что ответ Шилова на критику был недостаточно антисемитским, нет, нет, он оговорился — антисионистским. Не нужно призывать Фрейда, чтобы объяснить смысл этой оговорки.

Переизбрание не состоялось, перевыборы перенесли на год.

На следующий день Шилов гулял с женой возле университета, ему стало плохо. Он присел на ступеньки подъезда университетской поликлиники, а жена его побежала наверх, за врачом. Врач отказался спуститься, настаивал, чтобы больной явился самолично. Пока спорили, Шилов умер.

А где же я?

Эти заключительные строки я пишу год спустя, весной 1978 года.

Прошлой осенью в Душанбе состоялась конференция по теории чисел, о которой ее организаторы могут сказать с удовлетворением: впервые — юденфрай.

Не говоря уже о приглашении, я даже не получил ответа на мою заявку об участии.

Осенью я написал академику Боголюбову, что в советской математике — неладно.

Боголюбов не ответил.

Недавно я попытался увидеться с президентом Академии, но тщетно. Меня не принял даже его референт.

Нужно публиковать мои заметки.

— А где же я?